

Гарри Поттер как никто другой знал, что жизнь несправедлива. В детстве, полном презрительных и нелюбящих родственников, ему удалось сбежать в волшебный мир. Мир, в котором он чувствовал себя своим, но где его попеременно называли героем или относились к нему с подозрением и завистью. Добавьте к этому ежегодные покушения на его жизнь, и неудивительно, что у него осталось ошибочное представление о том, что жизнь как-то несправедлива.

Никто не мог упрекнуть его в том, что он вырос циником. Но, выиграв войну и получив девушку, молодой волшебник надеялся, что в его жизни наконец-то наступит равновесие. Он считал, что заслужил это. Но жизнь распорядилась иначе, ибо она была несправедлива.

Он снял очки и потер уставшие глаза, а затем вернул оправу в круглой оправе на место. Давным-давно - или, по крайней мере, ему так казалось, - когда он только начинал работать, он подумывал о том, чтобы найти медиума, который исправит его зрение. Существовали методы лечения, как магловские, так и магические, которые могли исправить его зрение. Но без очков он чувствовал себя голым, ведь он вырос в них. Они были настолько близки ему, насколько это вообще возможно. Кроме того, они обладали не только антипризывными чарами, но и многими другими криминалистическими навыками, которые не раз выручали его на месте преступления.

«Итак, Гарри, скажи мне, почему ты здесь сегодня?» Элиза Карнелл терпеливо улыбнулась своему красивому лицу. В ней чувствовалась спокойная уверенность, которую он встречал только у людей намного старше их обоих. Ему вспомнилось, как Дамблдор обычно разговаривал с ним - спокойно и уверенно, самодостаточно и всегда под контролем. На столе рядом с Элизой лежала раскрытая толстая черная тетрадь, перо висело прямо над ней, готовое делать записи. Гарри настороженно посмотрел на нее, слишком хорошо помня, когда в последний раз перо было допущено к записям на одной из его дискуссий.

Элиза была маглорождённым целителем и очень много работала, чтобы добиться своего. Вместе с несколькими другими целителями она начала программу в больнице Св. Мунго, основанную на работе магловских психиатров. Потребовались годы, чтобы убедить более традиционных членов правления больницы. После войны в больницу Св. Мунго хлынул поток пациентов с психическими заболеваниями, которые нельзя было вылечить взмахом волшебной палочки или зельем. Столкнувшись с такими условиями, больница в конце концов согласилась принимать больше методов лечения, основанных на маглах.

«Ты знаешь, почему», - коротко ответил Гарри. Все знали, почему. Об этом уже месяц писали все газеты и журналы сплетен, а в случае с «Ведьмин досуг» и того больше. Личная жизнь - это то, что позволено иметь другим людям. Но не ему. Ни разу. Никогда.

«Что вы надеетесь получить от этих сеансов?» - спросила она, похоже, не обращая внимания на его вспыльчивость.

«Мою работу», - коротко ответил он. Глава Департамента магического правопорядка Майкл Дэвис отказался отпускать Гарри на работу, если тот не будет ни с кем встречаться. А ему и не нужно было никого видеть. Ему нужно было вернуться к работе, к тому, что у него хорошо

получалось, потому что это было все, что у него осталось. Но, судя по всему, у него не было даже этого. Только после того, как он пролезет через обручи, через которые, согласно инструкциям Министерства, он должен был пройти.

«Это типичная реакция на то, через что ты проходишь, Гарри. Ты чувствуешь себя неуправляемым, одиноким, злым и обиженным. У тебя есть на это полное право. Но работа - это не выход. Это всего лишь отвлекающий маневр».

«Это все, что у меня осталось».

«Это отвлекающий маневр». повторила Элиза, глядя на него темными глазами. «Чем дольше ты будешь использовать его таким образом, тем сложнее тебе будет. Тебе нужно признать, что произошло, только тогда у тебя будет шанс двигаться дальше. Так скажи мне, что ты чувствуешь по поводу того, что произошло?»

«А что бы вы чувствовали?»

«Дело не во мне, Гарри, - терпеливо улыбнулась Элиза. «Дело в тебе. Если ты не хочешь говорить мне о своих чувствах, может, ты расскажешь мне, что произошло?»

Гарри вздохнул, откинувшись в кресле, и опустил руки на колени, глядя на стоящую перед ним женщину. Она ничего не сказала, а перо перестало царапаться и лежало в позе, готовое к продолжению. Он мог бы быть там, выполнять свою работу, ловить людей. Нет, не людей. Злодеев. Преступников. Не потому, что это была его работа или потому, что это помогало людям. Уже нет. Он хотел делать это, потому что это заставляло его чувствовать себя хорошо. Лучше, чем он чувствовал уже давно.

Он долго смотрел на Элизу, пока в его голове бушевала битва. В чем он должен признаться, и как много она уже знает? Потрепанное, но в то же время устоявшееся чувство неприкосновенности частной жизни предупреждало его, что не стоит ничего говорить. Но дело было в том, что все слышали эти истории, даже если они были только со стороны Джинни. Выслушав, никто не захотел слушать его версию. Симпатии публики были обращены к Джинни, а не к чудовищу, которым она его выставила. Но теперь у него был шанс услышать свою версию истории без толпы и внимания прессы.

«Я думаю, все началось однажды вечером после работы». Он сказал Элизе, не обращая внимания на царапанье пера, начавшего диктовать. По мере того как слова слетали с его губ, Гарри вспоминал долгие часы, проведенные за делом Раймонда Нотта. Из-за ужасающего характера преступлений все прикрепленные к нему Мракоборцы работали подолгу. Он убил шесть женщин, а затем выставил их напоказ как трофеи. Нельзя было позволить ему оставаться на свободе ни на секунду дольше, чем он уже это сделал. Но спустя несколько недель все наконец закончилось. Нотта арестовали, а Гарри отправили домой пораньше, чтобы он мог заслуженно отдохнуть со своей невестой.

Он помнил, как открыл дверь и увидел одежду, лежащую на лестнице. Белая рубашка, черные

брюки и зеленая юбка. Он помнил, как уставился на нее. Не дыша. Не двигаясь. Ничего не делал. Просто смотрел. Его охватило чувство неверия. Охватило его, и все остальное стало казаться далеким. Казалось, весь мир рухнул перед ним. Его разум стал пустым. Даже ровное биение сердца, которое изо дня в день стучало в его груди, казалось, остановилось. Исчезло в одно мгновение. Тишина давила на уши, оглушая его.

<http://tl.rulate.ru/book/121538/5081130>